

И. Э. Магадеев

Практическая историография: Е. В. Тарле и дискуссии по «французскому вопросу» в НКВД СССР (1943–1944)

Фигура Е. В. Тарле (1874–1955) — одного из крупнейших отечественных историков XX века — представляет исследовательский интерес сразу в нескольких отношениях. На своем долгом, особенно по меркам разрушительного XX столетия жизненном пути, он сменил целый ряд ипостасей (ролей). Неслучайно, что российский историк А. В. Гордон писал об «антиномиях академика Тарле»¹.

Сформировавшийся как исследователь в Российской империи, Тарле стал одним из наиболее именитых советских историков. Принадлежа к левой петербургской интеллигенции, участвовал в манифестациях, пострадал от рук жандармов при разгоне одного из митингов в октябре 1905 г. Позднее, уже в СССР, он оказался фигурантом «Академического дела», находился в ссылке в 1931–1932 гг., был освобожден по решению «высшей инстанции»². В годы Великой Отечественной войны Тарле — один из видных представителей академической элиты сталинского СССР (академик АН СССР с 1927 г.), восходивший «к вершинам общенародной славы и государственного почета (три ордена Ленина, три Сталинские премии первой степени)»³. Являясь в конце своей жизни профессором ведущих высших учебных заведений страны, он стал «учителем “шестидесятников”»⁴.

В представленной статье предпринят анализ одного из отрезков жизненного пути Тарле, который пришелся на его работу в Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) СССР (так называемой комиссии Литвинова, по фамилии ее председателя, имевшего тогда

**Магадеев
Искандэр
Эдуардович**

канд. ист. наук,
доц., Московский
государственный
институт (университет)
международных
отношений (Москва,
Россия)

статус заместителя наркома иностранных дел). Как отмечал ведущий биограф и исследователь жизненного пути Тарле российский историк Б. С. Каганович, «деятельность в комиссии Литвинова — до сих пор единственный документированный факт участия Е. В. Тарле в реальной внешнеполитической работе, а не только в ее пропагандистско-публицистическом обрамлении...»⁵. Выбор хронологических рамок статьи, вынесенных в заглавие, обусловлен периодом наиболее активного обсуждения «французского вопроса» в комиссии Литвинова (сама комиссия официально завершила деятельность в ноябре 1945 г.)⁶.

Обозначенный временной отрезок интересен как пример сосуществования двух ипостасей Тарле — историка и консультанта по внешнеполитическим вопросам, причем имевшего в составе комиссии Литвинова особый статус. Он «был единственным беспартийным членом комиссии, состоявшей из крупных советских дипломатов и международных старшего поколения», выполнял функции «своего рода “буржуазного специалиста”»⁷. Такая ситуация усиливает интерес к тому, чтобы сопоставить позиции, которые Тарле озвучивал на страницах своих публикаций, с одной стороны, и на закрытых совещаниях комиссии НКВД, с другой. Подобный сравнительный анализ позволит вернуться к вопросу о том, можно ли считать Тарле, как полагал немецкий историк М. Шульце Вессель, своего рода скрытым диссидентом, занимавшим отличную от сталинской и более близкую к западным союзникам позицию по ряду международных вопросов (в том числе по германскому)⁸.

Общий вклад Тарле в работу комиссии Литвинова был наиболее подробно исследован Б. С. Кагановичем⁹. О соображениях Тарле по отдельным международным вопросам, которые он высказывал в 1943–1944 гг., говорилось также в трудах ряда российских и зарубежных исследователей¹⁰. Новизну представленного исследования определяет его непосредственная цель — выяснить содержание и особенности позиции Тарле по «французскому вопросу» с привлечением новых документов из Архива внешней политики Российской Федерации.

«Французская тема» занимала особое место в профессиональной жизни и судьбе Тарле задолго до войны. Он изучал архивы Франции (особенно активно — в период с 1903 по 1914 г., последняя поездка состоялась в 1929 г.), имел хорошие контакты с целым рядом крупных французских историков (А. Олар, А. Матьез и др.). Исследования по истории рабочего класса в период Французской революции, написанные в 1907–1911 гг.¹¹, сделали имя Тарле известным в дореволюционной России и за рубежом. Протесты со стороны французских политиков и коллег по историческому цеху вполне могли сыграть определенную роль в возвращении Тарле из ссылки в 1932 г. Не исключено, что относительно мягкий исход «Академического дела» и отказ ОГПУ от изначального следственного сценария в отношении историка (якобы он взаимодействовал с высшим руководством Третьей Республики с целью «организации интервенции») отчасти связаны с нежеланием Москвы резко ухудшать отношения с официальным Парижем, которые тогда были отмечены тенденцией к потеплению¹².

Ставшая классической биография Наполеона I Бонапарта за авторством Тарле, впервые изданная в 1936 г.¹³, а также целый ряд других книг, посвященных

наполеоновской эпохе, вернули историка в научную и общественно-политическую жизнь сталинского СССР. Более того, эти работы стали «поворотным пунктом» в его судьбе и сформировали, насколько можно судить, отношение к Тарле со стороны И. В. Сталина, а также укрепили международную репутацию историка¹⁴. В августе 1942 г., в условиях растущего интереса к «неизвестной России» со стороны публики в США, к Тарле обратился К. Хауи, представитель американского издательства «Саймон энд Шустер» (*Simon & Schuster*). Через советское посольство в США Хауи сделал Тарле предложение написать «однотомную историю России», упомянув именно биографию Наполеона, а также книгу «Нашествие Наполеона на Россию» (1938), переведенную в 1942 г. издательством Оксфордского университета¹⁵, как работы, сформировавшие отношение к советскому историку у англоязычного читателя¹⁶. Из проекта, предложенного Хауи, насколько можно судить, ничего не вышло. Вместе с тем в годы Великой Отечественной войны работы Тарле по «наполеоновской теме», обсуждение которой неизбежно вызывало аналогии с поражением А. Гитлера в СССР, переводились на английский язык и являлись частью информационно-пропагандистской политики НКВД¹⁷.

Имя Тарле как крупного историка и специалиста-международника фигурировало среди предполагаемых членов комиссии Литвинова еще до ее официального создания, согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1943 г.¹⁸ М. М. Литвинов видел его в составе комиссии, включив в список семи кандидатур, предложенных им в записке от 3 августа наркому иностранных дел В. М. Молотову¹⁹. Три кандидатуры из этого изначального списка были отсеяны (заместитель наркома И. М. Майский, экономист Е. С. Варга и историк А. С. Ерусалимский), но Тарле вошел в итоговый состав. В неподписанной и недатированной записке, касавшейся вопроса о том, как организовать «работу по подготовке материалов для послевоенных переговоров», которая отложилась в фонде секретариата Молотова, Тарле также фигурировал как член ключевой, политической комиссии²⁰.

Само включение академика в состав комиссии Литвинова говорило о том, что его компетенция как историка и эксперта-международника высоко ценилась в Кремле, а былая политическая «неблагонадежность» забыта, или на нее были готовы закрыть глаза в новых условиях. Как свидетельствует не введенный ранее в научный оборот документ — записка Литвинова Молотову от 16 марта 1944 г., — председатель комиссии проявлял особое внимание к фигуре Тарле. Пересылая наркому протокол недавнего совещания комиссии по «германскому вопросу», Литвинов оговаривал, что на него не был приглашен Тарле, и пояснял: «...я не мог послать записку (о Германии, которая обсуждалась на совещании. — И. М.) на квартиру, где вероятно отсутствуют материальные условия, обеспечивающие сохранность и секретность документов. <...> Получается, однако, некоторая неловкость в отношении Тарле. Если считаете необходимым, я предложил бы ему заехать в Комиссариат и ознакомиться с запиской и затем сообщить мне его замечания»²¹.

Действительно, Тарле не просто числился в комиссии, а активно участвовал в ее работе, подчас даже выступая с осторожными критическими

замечаниями и комментариями к запискам Литвинова. Председатель комиссии не был принципиально против подобных дискуссий, хотя держал их в рамках²². Круг вопросов, по которым Тарле составлял записки или выступал на заседаниях комиссии, был достаточно широк. При разделении «первоочередных работ», осуществленном 8 сентября 1943 г., Тарле и дипломат Я. З. Суриц были назначены ответственными за вопросы, связанные с Германией и проблемой Балканской федерации²³.

Однако было очевидно, что сфера интересов Тарле этим не ограничивалась. В протоколе заседания комиссии от 17 ноября 1943 г. было зафиксировано его обязательство предоставить работу «о Франции» в течение 10 дней²⁴. Историк выступил с развернутым изложением своей позиции по ряду других важных международных проблем: по Международной организации безопасности (будущей ООН) на заседании комиссии 28 апреля 1944 г.²⁵, по «аландскому вопросу» (22 июля 1944 г.)²⁶, по проблемам взаимоотношений с Италией (4 сентября 1944 г.)²⁷. Е. В. Тарле также подготовил записку по «трансильванскому вопросу», обсуждавшемуся 8 июня 1944 г. (на самом заседании историк не присутствовал)²⁸.

Уже на первом заседании от 8 сентября 1943 г., где обсуждался характер работы комиссии Литвинова, Тарле поставил весьма примечательный вопрос, а также сформулировал свое кредо в качестве члена комиссии. Уточняя методы работы нового органа, он спросил: «Нужно ли будет давать чисто историческую, объективную справку, скажем, о вопросе выделения Восточной Пруссии, или по всем вопросам у нас уже есть ответы, т. е. мнение правительства, на основании которого мы должны разрабатывать материал?» Ответ Литвинова не был прямым, но свидетельствовал о том, что комиссия имела определенное пространство для дискуссий и право на формулирование вариантов и предложений: «...постановка вопроса в списке не значит, что вопрос решается нами положительно»²⁹.

В реплике Тарле можно увидеть осторожность, так как в сталинском СССР малейшая свобода мнений по тому или иному вопросу была возможна лишь тогда и до тех пор, пока по нему не была сформулирована позиция «высшей инстанции». Упоминание объективности в вопросе историка и степени его допустимости резонировало с судьбой самого Тарле. Видимо, он хорошо помнил статью в «Правде» от 10 июня 1937 г., в которой его книга о Наполеоне был учинен разгром. Среди прочего, в статье говорилось о том, что «за личиной объективного историка видны ослиные уши изолгавшегося контрреволюционного публициста»³⁰. Тогда вмешательство Сталина остановило эту кампанию, грозившую Тарле арестом и последующими следственными мероприятиями. Слухи о том, что Сталин благоволил Тарле, ходили в иностранных дипломатических кругах годы спустя. Так, в британском посольстве в СССР считали, что критика, с которой академик обрушился на Фултонскую речь У. Черчилля в марте 1946 г., понравилась «хозяину Кремля»³¹.

На упомянутом выше заседании комиссии Литвинова 8 сентября 1943 г. Тарле сформулировал важный принцип, свидетельствовавший о традиционализме его внешнеполитических представлений: «...все пункты надо разраба-

тывать с точки зрения максимальной безопасности советских границ от нового нападения, а также с точки зрения того, как мы мыслим будущую Европу с точки зрения наибольшей устойчивости мира и безопасности»³². Акцент на понятии «безопасность» был характерен для условных прагматиков в советском внешнеполитическом руководстве еще в начале 1920-х гг. Как подчеркивал нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в августе 1921 г., во время очередной дискуссии с руководством Коминтерна, «находить позорной тревогу за безопасность Советской Республики, цитадели мировой революции, можно лишь исходя из антибрестской точки зрения безразличия к существованию или несуществованию Советской Республики»³³.

В этом смысле подход Тарле к внешнеполитическим проблемам в духе *Realpolitik* коррелировал с настроем ряда сотрудников НКВД, а также с более общей тенденцией к традиционализации сталинской внешней политики. По словам А. В. Гордона, «Тарле откликнулся на великодержавно-патриотические настроения в советском обществе, в которых укоренялись эти установки»³⁴. Незавершенный труд «Внешняя политика России при Екатерине II», над которым ученый работал в 1943–1946 гг., рассматривается исследователями как «апогей тарлевского великодержавия»³⁵. В лекции «Екатерина Вторая и ее дипломатия», прочитанной 7 мая 1945 г. и содержавшей выдержки из первой главы указанного труда, автор подчеркивал своеобразную преемственность между Российской империей и СССР: «Мудрено ли, что советский гражданин вправе требовать от историков, чтобы ему было рассказано о внешней политике этого периода, которая привела к таким огромным результатам и в такой степени повысила военный потенциал русского народа и его обороноспособность»³⁶.

Ранее схожие тезисы стоили Тарле критики на совещании историков в ЦК ВКП(б), состоявшемся в июне — начале июля 1944 г., однако подобные идеи, как представляется, коррелировали со сталинским настроем. «Хозяин Кремля» еще в 1937 г. в узком кругу давал не совсем ортодоксальную оценку наследия «царизма»: русские цари «грабили и поработали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело — сколотили огромное государство — до Камчатки. Мы получили в наследство это государство»³⁷. Высказывая схожие мысли, Тарле был далек от объективизма и даже принципа историзма, но считал это оправданным обстоятельством войны. Выступая в начале 1944 г. на Ученом совете ЛГУ, прошедшем в Саратове в условиях эвакуации, Тарле размышлял о факторах постепенно приближавшейся победы над Германией и ее союзниками. Он считал, что «один из факторов этой победы заключается в громадной территории... Говорить об этом факторе, о тех, кто создал этот фактор, как о каком-то недоразумении, совершенно не приходится. <...> диалектика требует, чтобы смотрели на историю с точки зрения 1944 г.»³⁸.

Краткий обзор роли Тарле в комиссии Литвинова и базовых установок, которыми он руководствовался при обсуждении тех или иных проблем, позволяет перейти к характеристике его позиции собственно по «французскому вопросу».

В записке по «германскому вопросу» (датируется декабрем 1943 г.) и в справке «Франко-русские отношения» (зарегистрирована 29 декабря 1943 г.)

Тарле выступил с позиций, во многом характерных для его исторических работ по различным аспектам взаимодействия России и Франции. В них он отстаивал точку зрения о желательности серьезного ослабления Германии после войны (в том числе за счет присоединения Саарской области к Франции) и акцентировал совпадение российских и французских интересов на протяжении истории.

В записке по «германскому вопросу» Тарле подчеркивал, что «наши интересы требуют максимальной поддержки того, что потребуют французы», и позитивно отзывался об антигерманском курсе тех французских деятелей, которые традиционно рассматривались в Москве прежде всего как антисоветчики, — Ж. Клемансо и Ф. Фоше. Положительного отклика заслужил даже французский политик Р. Пуанкаре, пользовавшийся в 1920-е гг. репутацией одного из наиболее антигермански (и антисоветски) настроенных представителей Третьей Республики³⁹.

Подобный настрой Тарле кардинально расходился с его же тезисами двадцатилетней давности. В 1922 г., на фоне давления Франции на Германию по вопросу репараций, историк характеризовал Версальский мирный договор 1919 г. как одну из «трех катастроф», постигших Германию (наряду с Вестфальским миром 1648 г. и Тильзитским миром 1807 г.). Согласно тогдашним оценкам Тарле, Пуанкаре «делает все от себя зависящее, чтобы обострить все углы, затруднить всякое соглашение, довести победителей до озлобленной ссоры между собою, а побежденных до полного и беспросветного отчаяния». Тарле приходил к выводу, что «если Версальскому миру суждено существовать, то Германия, как самостоятельная держава, прекратит свое бытие»⁴⁰.

Напротив, исторический экскурс, представленный в справке «Франко-русские отношения», коррелировал с тезисами Тарле, сформулированными в работах по наполеоновской эпохе и Крымской войне 1853–1856 гг. Характеризуя, например, французскую позицию на Парижском мирном конгрессе, Тарле писал о том, что «Наполеон III последовательно продолжал то, что он начал осенью 1855 г. Усиливать Англию он не хотел ни в каком случае, и уже поэтому всякое чрезмерное ослабление России казалось ему вредным. <...> решительно ничего ему от России не было нужно, ни в чем интересы Франции и России не расходились»⁴¹.

Небезынтересно отметить, что к примерам из истории Крымской войны апеллировал не только Тарле. На заседании комиссии Литвинова 4 сентября 1944 г., посвященном записке «Об обращении с Италией», историк призывал к ослаблению послевоенной Италии. В том числе Тарле говорил о том, что «всякий раз, когда она либо полуобъединялась, как при Наполеоне, либо шла к объединению, как во время Крымской войны и в последующие войны, она выступала против нас, т. е. всякий раз была тенденция подчиниться по своим собственным соображениям любому хищнику, который против нас шел»⁴².

Советский дипломат и профессиональный историк Б. Е. Штейн, напротив, считал, что «подлинные интересы Италии и России в прошлом не сталкивались». Дискутируя с Тарле, Штейн нашел небезынтересный аргумент. Среди прочего, он сослался на исторические выкладки своего оппонента: «...никто другой, как именно Е. В. Тарле убедительно показал в своей книге о Крымской

войне, что Италия участвовала в ней отнюдь не потому, что ее интересы сталкивались с интересами России»⁴³. Во многом Штейн был прав, ведь Тарле видел в участии Пьемонта (Сардинского королевства) в Крымской войне «блестящий успех дипломатической деятельности Наполеона III» и полагал, что председатель правительства Пьемонта граф Б. Кавур, «пожертвовал 15 тысячами пьемонтских солдат, которых по желанию Наполеона III погнал на смерть к бастионам Севастополя, лишь бы получить право теперь, на [Парижском] конгрессе, поставить во всей полноте итальянский вопрос»⁴⁴.

Идеи Тарле по «германскому и французскому вопросам», сформулированные в декабре 1943 г., вызвали резкое неприятие Литвинова. В подробной записке «Обращение с Францией» (21 марта 1944 г.), отправленной Молотову, Литвинов принял во внимание некоторые тезисы Тарле, однако общий посыл заместителя наркома был совсем иным: на протяжении истории Франция выступала, скорее, противником России, чем союзником. В отличие от Тарле, Литвинов акцентировал проявления не российско-французского сближения и единства, а антагонизм двух держав: «На протяжении всего 18-го века Франция была в ряду тех стран, которые оказывали наиболее упорное и сильное противодействие государственному расширению и росту могущества России»; в годы Франко-германской войны 1870–1871 гг. Россия «заняла определенно антифранцузскую позицию»; в период Революции и Гражданской войны «Клемансо повторяет игру, которую в свое время и так неудачно повел против России Наполеон I»⁴⁵. Не называя Тарле напрямую, Литвинов фактически оспаривал доводы, «позаимствованные из нашего исторического прошлого и строящиеся на предпосылке, что интересы России и Франции в основном почти везде и всегда совпадали, нигде не скрещивались и не сталкивались, и что франко-русский союз отразил значительную общность национальных задач обеих стран»⁴⁶.

Очевидно, что Тарле осознал расхождение между выдвинутыми им тезисами и позицией Литвинова. В определенном смысле историк вновь сталкивался с той критикой, которая была адресована некоторым положениям его книги «Нашествие Наполеона на Россию». В 1938 г. один из рецензентов, процитировав мысль Тарле о том, что «франко-русский союз, оформленный в Тильзите в 1807 г., дал первую трещину уже в 1808 г., во время сентябрьского свидания обоих императоров в Эрфурте», считал ее неточной: «Следовало бы показать, что Тильзитский мир закончил лишь один из этапов борьбы обоих императоров за гегемонию в Европе. <...> о франко-русском союзе не могло быть и речи. Тильзитский мир, по существу, был перемирием, вслед за которым неизбежна была новая война»⁴⁷.

На заседании комиссии Литвинова 25 марта 1944 г., посвященном обсуждению записки «Обращение с Францией», Тарле фактически солидаризировался с идеями заместителя наркома: «В течение XVIII–XIX веков и до самого крушения Второй империи Франция была гегемоном антирусской коалиции. Крымскую кампанию собственно выиграла Франция, а не англичане»⁴⁸. Он согласился и с другим принципиальным тезисом Литвинова, противоречившим изначальным суждениям историка. Заместитель наркома настаивал на необходимости

«решительно выступить против возвращения Франции ранга великой державы», на недопустимости «усиления Франции расширением ее территорий», поскольку эта страна «в основном будет, по всей вероятности, сотрудничать (с Великобританией и США. — *И. М.*) против нас»⁴⁹. На заседании 25 марта Тарле говорил о том, что «никогда Франция уже не будет Великой Державой (во всяком случае, пока наши поколения живут)». Он считал, что французский вектор внешней политики Москвы не должен пагубно сказываться на ее взаимодействии с главными союзниками по антигитлеровской коалиции, хотя и предусмотрительно добавил, что Франция все же «могла быть противовесом англосаксам»⁵⁰.

Мысли Тарле о возможном резком ослаблении Франции по итогам Второй мировой войны контрастировали с его былыми представлениями о месте этой страны в Европе. В 1924 г., на фоне событий Рурского кризиса, связанного с франко-бельгийской оккупацией «индустриального сердца» Германии, Тарле не исключал установления французской гегемонии в Старом Свете⁵¹. В резко изменившейся к 1944 г. позиции Тарле, очевидно, сказывались не только конъюнктурные соображения (согласие с точкой зрения, озвученной Литвиновым), но и шок от стремительного поражения Франции в 1940 г., который испытали многие в советских дипломатических и властных кругах.

На упомянутом заседании комиссии 25 марта Тарле заметил: «Ничего подобного быстроте и странности французского поражения мир еще не видел. Французская армия, насчитывавшая 3280 тыс. человек, стала на колени перед германской армией, ударный кулак которой составлял 2 млн человек»⁵². Эта позиция коррелировала с реакцией Сталина летом 1940 г., когда он «ругал французов, ругал англичан, как они могли допустить, чтобы их Гитлер разгромил»⁵³, а также с суждением *И. М. Майского*. В феврале 1943 г., являясь послом СССР в Великобритании, *Майский* отметил, что «эта война явилась потрясающим предметным уроком для всего человечества. <...> Франция просто провалилась»⁵⁴.

Приведенные суждения Тарле отнюдь не вписывались в его образ предполагаемого «франкофила». Окольными путями информация о позиции историка по «французскому вопросу» доходила до представителей самой Франции. Журналист *Ж. Жув*, вместе с *Ш. де Голлем* посетивший Москву в декабре 1944 г., ссылаясь на мнение французского писателя *Ж.-Р. Блока* и приводил такое суждение о взглядах Тарле: «Одни, в частности академик Тарле, считавшийся скорее франкофилом, предлагали крайнюю сдержанность в отношении нас. Франция, утверждали они, выйдет из войны ослабленной и обескровленной, и слабость ее будет усугублена зависимостью от англосаксов»⁵⁵.

Несмотря на такую информацию, в целом соответствовавшую точке зрения Тарле, озвученной на заседаниях комиссии Литвинова, его личность продолжали позитивно оценивать во французских научных кругах и рассматривать как одно из связующих звеньев в научных связях Франции и СССР. Один из примечательных эпизодов, который можно восстановить по документам НКВД, был связан с решением Алжирского университета, — «первого французского университета, освобожденного силами Объединенных Наций», как

подчеркивал его ректор А. Ложье⁵⁶, — присудить Тарле, а также ряду других советских ученых степень почетного доктора в июле 1944 г.⁵⁷ Через посольство СССР во Франции историк был приглашен посетить Алжир в ноябре 1944 г., однако поездка не состоялась, и дипломы о присуждении почетного звания были переданы представителям советского генконсульства⁵⁸.

Ситуация повторилась в декабре 1945 г., когда Тарле в группе советских ученых была присуждена степень почетного доктора уже Парижского университета. Дипломы получил А. Е. Богомолов, передав ректорату Сорбонны «глубокую благодарность» от имени советских ученых, «а равно их сожаления, что они не смогли принять любезное приглашение приехать в Париж»⁵⁹. Во время самой церемонии в качестве причин отсутствия Тарле и его коллег Богомолов сослался на «их научно-исследовательскую работу и учебные занятия», а также на «трудности транспорта в настоящее время». Тем не менее речь Богомолова по-своему говорила о тогдашней, относительно теплой атмосфере в советско-французских отношениях, когда и Литвинов, трансформировав прошлые тезисы, размышлял об осторожном сближении двух стран с целью максимального ослабления Германии⁶⁰. На мероприятии в Сорбонне Богомолов подчеркнул, что «научные связи и научное сотрудничество уже давно являются традицией для лучших, прогрессивных представителей французской и русской науки»⁶¹.

Подытоживая статью, можно констатировать, что Тарле являлся одним из активных участников дискуссий по «французскому вопросу» в комиссии Литвинова в 1943–1944 гг. Его роли историка-исследователя и консультанта по внешнеполитическим вопросам, а также суждения, которые он высказывал в рамках каждой из них, отнюдь не всегда совпадали. Нередко выступая с идеей о близости российских и французских интересов на страницах исторических трудов, Тарле под влиянием присутствовавших в Кремле и НКВД в 1943–1944 гг. критических настроений занимал более жесткую позицию по «французскому вопросу». Он скептически высказывался по вопросу о скором восстановлении великодержавных позиций Франции, считал более важным выстраивание взаимодействия с Вашингтоном и Лондоном, нежели с Парижем. В этом смысле считать Тарле неким внутренним «диссидентом» было бы явным преувеличением. Являясь частью академической элиты сталинского СССР и имея опыт опалы, он был готов встраиваться в консенсус, определяемый «сверху», и осознавал ограниченность свободы своего маневра как эксперта и консультанта. Вместе с тем Тарле продолжал стремиться к соблюдению академических стандартов, осторожно намекал на вариативность международной ситуации (возможность задействовать Францию как противовес англосаксонским державам), продолжал пользоваться высоким авторитетом среди французских коллег-исследователей.

¹ Гордон А. В. Антиномии академика Тарле. [Рец. на кн.:] Е. В. Тарле. Россия и Запад: из неопубликованного и забытого / сост., подгот. к печати, вступ. статья и комм. Б. С. Кагановича. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021 // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 240.

² Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014. С. 43, 49–51, 137, 152.

- ³ Гордон А. В. Антиномии академика Тарле. С. 242.
- ⁴ Сироткин В. Г. Академик Тарле — учитель «шестидесятников» // Лебедь: независимый альманах. 2002. № 255. 20 янв. URL: <https://lebed.com/2002/art2794.htm> (дата обращения: 10.08.2022).
- ⁵ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. С. 237.
- ⁶ Протокол заседания Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, 15 ноября 1945 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 149а. Л. 44.
- ⁷ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. С. 234, 237.
- ⁸ Schulze Wessel M. Hegemonie oder europäische Sicherheit. Zwei deutschlandpolitische Denkschriften des sowjetischen Historikers E. V. Tarle // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1995. Nr. 1. S. 272, 278.
- ⁹ Каганович Б. С. Е. В. Тарле в Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (1943–1945 гг.) // Проблемы всемирной истории: сб. ст. в честь академика А. А. Фурсенко / отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб., 2000. С. 351–360.
- ¹⁰ Сальков А. П. СССР и Триестинский кризис (май — июнь 1945 г.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 4 / адк. ред. У. К. Коршук. Мінск, 2009. С. 128–141; Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 8 / ред. комиссия: В. Г. Титов и др. М., 2014. С. 247, 366; Синдеев А. А. Дипломатический фронт Великой Отечественной войны: контуры послевоенной Европы в 1944 г. // Современная Европа. 2020. № 3. С. 158–169.
- ¹¹ Тарле Е. В.: 1) Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789–1799). СПб., 1907; 2) Рабочий класс во Франции в эпоху революции (1789–1799). Ч. 1–2. СПб., 1909–1911.
- ¹² Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. С. 59–60, 129, 135–137. О тогдашних советско-французских отношениях см.: Вершинин А. А. СССР и Красная армия глазами военного атташе Франции Э. Мандра. 1933–1934 гг. // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 686–704.
- ¹³ Тарле Е. В. Наполеон / под ред. К. Радека. М., 1936.
- ¹⁴ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. С. 185–186.
- ¹⁵ Tarle E. Napoleon's Invasion of Russia, 1812. N. Y., 1942.
- ¹⁶ Howe to Tarle, 4 August 1942 // АВП РФ. Ф. 192. Оп. 9. П. 65. Д. 41. Л. 20.
- ¹⁷ См., например, брошюру о поражении Наполеона, изданную Посольством СССР в Великобритании: Tarle E. How Mikhail Kutuzov Defeated Napoleon. London, 1943.
- ¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 108–109.
- ¹⁹ СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1. М., 1996. С. 233.
- ²⁰ Текст записки и приложений к ней находится в архивном деле между документами, датированными 9 сентября и 17 ноября 1943 г. Не исключено, однако, что текст был написан ранее, до принятия Политбюро решения от 4 сентября. Общая схема работы, предложенная в записке, отличалась от той, что была реализована в итоге. См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 149а. Л. 25–30.
- ²¹ Там же. Оп. 6. П. 14. Д. 142. Л. 112. Б. С. Каганович отмечал, что причины неучастия Тарле в заседании комиссии от 14 марта остались невыясненными. См.: Каганович Б. С. Е. В. Тарле в Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства... С. 353.
- ²² О методах работы Литвинова см. его отчет, сделанный на заседании комиссии от 15 ноября 1945 г.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 149а. Л. 36–37.
- ²³ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 240. Об исторических справках по Германии, написанных Тарле в октябре и декабре 1943 г., см.: Schulze Wessel M. Hegemonie oder europäische Sicherheit. S. 279.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 149а. Л. 34.
- ²⁵ Каганович Б. С. Е. В. Тарле в Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства... С. 355.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 56–57, 64.
- ²⁷ Там же. Л. 76–78.

- ²⁸ Каганович Б. С. Е. В. Тарле в Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства... С. 356.
- ²⁹ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 237.
- ³⁰ Цит. по: Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. С. 187.
- ³¹ Roberts to Bevin, 27 March 1946 // The National Archives of Great Britain. Foreign Office 800/501. Fol. 138.
- ³² СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 239. Вывод о «реально-политическом», великодержавном мышлении» всех членов комиссии Литвинова см. в статье: Каганович Б. С. Е. В. Тарле в Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства... С. 358.
- ³³ Чичерин — Молотову, 14 августа 1921 г. // Коминтерн и идея мировой революции. Документы / [Авт. комм. Я. С. Драбкин и др.]. М., 1998. С. 308.
- ³⁴ Гордон А. В. Ангиномии академика Тарле. С. 243.
- ³⁵ Каганович Б. С. Наследие Тарле // Е. В. Тарле. Россия и Запад. Из неопубликованного и забытого / сост. Б. С. Каганович. СПб., 2020. С. 15.
- ³⁶ Е. В. Тарле. Россия и Запад. С. 170.
- ³⁷ The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949 / Ed. by I. Vanac. New Haven, 2003. P. 65.
- ³⁸ Е. В. Тарле. 1944 год: не перегибать палку патриотизма / публ. Ю. Н. Амиантова // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 6–7.
- ³⁹ Каганович Б. С. Е. В. Тарле в Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства... С. 353. О советском восприятии Пуанкаре см. также: Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / А. В. Бодров, И. Э. Магадеев, А. Ю. Павлов, Е. П. Феськова. Т. 2. СПб., 2021. С. 448–450.
- ⁴⁰ Е. В. Тарле. Россия и Запад. С. 40, 90–91.
- ⁴¹ Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. Т. 2. М., 1944. С. 530.
- ⁴² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 76.
- ⁴³ Там же. Л. 78.
- ⁴⁴ Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2. С. 335, 550.
- ⁴⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 146. Л. 7, 9–10, 16.
- ⁴⁶ Там же. Л. 6.
- ⁴⁷ Предтеченский А. В. Рец. на кн.: Е. В. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938 // Историк-марксист. 1938. № 6. С. 180.
- ⁴⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 4.
- ⁴⁹ Записка «Обращение с Францией», 21 марта 1944 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 146. Л. 26, 29.
- ⁵⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 5–6.
- ⁵¹ Тарле Е. В. Гегемония Франции на континенте в прошлом и настоящем // Анналы. 1924. № 4. С. 34–92.
- ⁵² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 4. Приводимые в исследовательской литературе цифры по совокупной численности армий (сухопутных сил) Франции и Германии обратны тем, что назвал Тарле. На март 1940 г. германская действующая армия насчитывала 3,3 млн человек, французская (на территории метрополии) — 2,42 млн человек. См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2002. С. 182; Chauvy G. Le drame de l'armée française: du Front populaire à Vichy. Paris, 2010. P. 420.
- ⁵³ Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания): в 4 кн. Кн. 1. М., 1999. С. 267.
- ⁵⁴ Майский — Молотову, 13 февраля 1943 г. // СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 194–195.
- ⁵⁵ Цит. по: Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. С. 236, примеч. 10.
- ⁵⁶ Laugier à Comité antifasciste des savants soviétiques, 12 juin 1944 // АВП РФ. Ф. 197. Оп. 25. П. 91. Д. 61. Л. 26.
- ⁵⁷ Капитан — Богомолу, 8 июля 1944 г.; Рей — Богомолу, 24 июля 1944 г. // АВП РФ. Ф. 197. Оп. 25. П. 91. Д. 61. Л. 28, 31.
- ⁵⁸ Сергеев — Деканозову, 6 января 1945 г. // АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 29. П. 204. Д. 76. Л. 16. В указанной записке заведующего 1-м Европейским отделом НКВД М. Г. Сергеева Тарле фигурировал как «Тарлэ», видимо, с предполагаемым ударением на последний слог (на французский

манер). Сам Тарле, согласно одному из свидетельств, во время лекции в МГИМО в 1951 г. достаточно остро отреагировал, когда староста курса произнес его фамилию с ударением на последний слог: «...я не француз, а еврей, и моя фамилия произносится Тárле». См.: *Сироткин В. Г.* Академик Тарле — учитель «шестидесятников». URL: <https://lebed.com/2002/art2794.htm> (дата обращения: 10.08.2022).

⁵⁹ Богомолов — Русси, 11 декабря 1945 г. // АВП РФ. Ф. 197. Оп. 26. П. 98. Д. 79. Л. 41.

⁶⁰ Записка Литвинова «Дополнительно к разногласиям с Францией в отношении Германии», 29 ноября 1945 г. // Там же. Ф. 0136. Оп. 29. П. 196. Д. 19. Л. 132–134.

⁶¹ Речь Богомолова, 15 декабря 1945 г. // Там же. Ф. 197. Оп. 26. П. 98. Д. 79. Л. 43.

Статья поступила в редакцию 17 августа 2022 г.

Рекомендована к печати 29 декабря 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Магадеев И. Э. Практическая историография: Е. В. Тарле и дискуссии по «французскому вопросу» в НКВД СССР (1943–1944) // *Новейшая история России.* 2023. Т. 13, № 2. С. 363–375. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.207>

Аннотация: Цель статьи — определить содержание и особенности позиции, занятой Е. В. Тарле по «французскому вопросу» в период его наиболее активного обсуждения в так называемой комиссии Литвинова при НКВД СССР в 1943–1944 гг. Привлекая новые документы из Архива внешней политики Российской Федерации, автор сопоставляет две ипостаси (роли) Тарле: историка, для которого «французская тема» имела на протяжении жизни особое значение, и консультанта по внешнеполитическим вопросам, привлеченного в данном статусе именно во время Великой Отечественной войны. По итогам проведенного исследования сделан вывод о том, что суждения, которые Тарле высказывал в рамках двух обозначенных ролей, отнюдь не всегда совпадали. Нередко выступая с идеей о близости российских и французских интересов на страницах своих исторических трудов, Тарле под влиянием присутствовавших в Кремле и НКВД критических настроений в отношении Франции занимал более жесткую позицию. Он скептически высказывался по вопросу о скором восстановлении великодержавных позиций Франции, считал более важным выстраивание взаимодействия с Вашингтоном и Лондоном, нежели с Парижем. Являясь частью академической элиты сталинского СССР и имея опыт опалы, он был готов встраиваться в консенсус, определяемый «сверху», и осознавал ограниченность свободы своего маневра как эксперта и консультанта. Вместе с тем Тарле продолжал стремиться к соблюдению академических стандартов, осторожно намекал на вариативность международной ситуации, продолжал пользоваться высоким авторитетом среди французских коллег-исследователей.

Ключевые слова: Тарле, НКВД, СССР, Франция, внешняя политика, Вторая мировая война.

Сведения об авторе: *Магадеев И. Э.* — канд. ист. наук, доц., Московский государственный институт (университет) международных отношений (Москва, Россия); iskander2017@yandex.ru

Московский государственный институт (университет) международных отношений, Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

FOR CITATION

Magadeev I. E. 'Practical Historiography: E. V. Tarle and Discussions on the "French Question" in the Soviet Foreign Office (1943–1944)', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 2, 2023, pp. 363–375. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.207> (In Russian)

Abstract: The article aims to define the content and the peculiarities of the position held by E. V. Tarle during the active discussions on the "French question" in the so-called 'Litvinov commission' of the Soviet Foreign Office. On the basis of the new evidence from the Archives of the Foreign policy of the Russian Federation, the author

compares two Tarle's roles: the one of the historian interested in the French studies for a long period and that of the foreign policy advisor whom he became exactly during the Great Patriotic war. The author concludes that the notions made by Tarle as a historian and as a foreign policy advisor were often not similar. Being a proponent of the affinity between the Russian and French interests on the pages of his historical studies, in 1943–1944, under the influence of critical stance of the Soviet leadership and diplomacy on the “French question” Tarle adopted a tougher position. He was skeptical about the revival of France as a Great Power and prioritized the relations with Washington and London over those with Paris. Being a part of the academic elite of the Stalin's USSR and having the experience of the exile, he was ready to fit into the dominant consensus defined from above and acknowledged the limitation for his freedom of maneuver as an expert and adviser. At the same time, Tarle continued pursuing high academic standards, carefully hinted on the volatility of the international situation, and was respected by his French colleagues.

Keywords: Tarle, NKID, USSR, France, foreign policy, Second World War.

Author: *Magadeev I. E.* — PhD in History, Associate Professor, Moscow State Institute (University) of International Relations (Moscow, Russia); iskander2017@yandex.ru

Moscow State Institute (University) of International Relations, 76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

References:

- Chauvy G. *Le drame de l'armée française: du Front populaire à Vichy* (Paris, 2010).
- Enemy, adversary, ally? Russia in the foreign policy of France in 1917–1924*, vol. 2, ed. by A. Yu. Pavlov (St Petersburg, 2021). (In Russian)
- Gordon A. V. 'Antinomies of the Academician Tarle', *Novaja i novejšaja istoriia*, no. 2, 2022, pp. 240–247. <https://doi.org/10.31857/S013038640018290-7> (In Russian)
- Kaganovich B. S. 'E. V. Tarle and his work in the Commission on the peace treaties and post-war settlement (1943–1945)' in *Problemy vsemirnoi istorii. Sb. st. v chest' akad. A. A. Fursenko*, ed. by B. V. Ananyich (St Petersburg, 2000). (In Russian)
- Kaganovich B. S. *Evgeny Viktorovich Tarle. Historian and time* (St Petersburg, 2015). (In Russian)
- Kaganovich B. S. 'Tarle's heritage' in *E. V. Tarle. Rossiia i Zapad. Iz neopublikovannogo i zabytogo*, ed. by B. S. Kaganovich (St Petersburg, 2020). (In Russian)
- Müller-Hillebrand B. *The German land army 1933–1945* (Moscow, 2002). (Rus. Ed.)
- Sal'kov A. P. 'USSR and the Triest crisis (May — June 1945)' in *Pracy gictarychnaga fakul'tjeta BDU*, vol. 4, ed. by U. K. Korshuk (Minsk, 2009). (In Russian)
- Schulze Wessel M. 'Hegemonie oder europäische Sicherheit. Zwei deutschlandpolitische Denkschriften des sowjetischen Historikers E. V. Tarle', *Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte*, Nr. 1, 1995.
- Sindeev A. A. 'The Diplomatic Front of the Great Patriotic War: the Contours of Post-war Europe in 1944', *Sovremennaja Evropa*, no. 3, 2020. <https://dx.doi.org/10.15211/soveurope32020158169> (In Russian)
- Great Patriotic War. 1941–1945*, in 12 vols., vol. 8, ed. by V. G. Titov et al. (Moscow, 2014). (In Russian)
- Vershinin A. A. 'USSR and the Red Army through the Eyes of the French Military Attaché E. Mendras (1933–1934)', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 3, 2021, pp. 686–704. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.308>. (In Russian)

Received: August 17, 2022

Accepted: December 29, 2022